

ВРОВЕНЬ С ВЕКОМ

Интернационализм и художественное сознание писателя

2207

ГЛАВНОЕ и решающее условие расцвета художественной культуры киргизского народа — ленинская национальная политика, создавшая подлинно интернациональные отношения между народами, сделавшая возможным глубоко внутреннее единство советских литератур.

«Каждая литература, стремящаяся к прогрессу, — совершенно справедливо пишет Чингиз Айтматов, — должна судить себя максимальнейшими критериями. Только так можно рассчитывать на преодоление замкнутости и провинциализма, только ориентиры мировой литературы должны быть мерилом профессионального мастерства». Для Ч. Айтматова таким высоким критерием и «духовной опорой» была, есть и остается, прежде всего, русская литература с ее богатейшими художественными традициями.

Есть разный уровень причастности к русской литературе, разная глубина постижения ее философской, жизненной и художественной основы. Ч. Айтматов, пожалуй, относится к тем, кому счастливо было суждено не только приблизиться к просторам этой великой художественной культуры, но и, овладев мощным духовным и языковым потенциалом, подарившим миру бессмертные творения Пушкина и Толстого, вернуться к своему родному очагу, чтобы создать подлинно национальные произведения. Художественное мышление писателя основывается в данном случае не только на структуре и потен-

ции родного языка, но и на особенностях того языка, посредством которого писатель осуществляет свой творческий замысел. Таким образом, художественная реализация идейно-эстетической проблемы производится как бы на стыке двух языков.

Интернационализм, по глубокому убеждению Ч. Айтматова, это, прежде всего, взаимопомощь и взаимодействие художественных культур малых и больших народов. Говоря, например, об освоении эстетического опыта М. Шолохова новописанными литературами, Ч. Айтматов отмечает: молодые литературы, возникшие в XIX—XX веках, долго переживали (а иные и по сей день переживают) период инфантилизма. Этот период может, однако, затянуться очень надолго, ибо литературщина легко создает иллюзию развития литературы.

И тот факт, что живы еще инфантильность и описательность в современной киргизской советской литературе, еще раз свидетельствует о том, что современный художественный процесс не во всех своих звеньях равномерен, что в отдельных своих моментах он все еще нередко замыкается в веригах национальной ограниченности.

Говоря о той творческой радости, которую принесла писателю работа над повестью «Прощай, Гульсары!», Чингиз Айтматов пишет: «Лично мне повесть эта дорога тем, что в ней, как я думаю, мне удалось нарисовать картину современной

национальной жизни. Я стремился воспроизвести не национальный «орнамент», а поставить существенные проблемы национального бытия, проникнуть в социальные конфликты и противоречия». Весьма показательный пример в этой связи — великодушная сцена скачек из повести «Прощай, Гульсары!». Скачки эти воспеваются автором не ради экзотики, не ради самих скачек. В них — с предельной художественной емкостью раскрывается душа самого Танабая, его неуемная жизненная сила и целеустремленность. Вот почему здесь национальный «орнамент» имеет не узко местный, локальный характер, а приобретает глубоко общечеловеческий смысл, органически становясь своеобразным камертоном нравственно-философской концепции повести.

Когда речь идет о самобытности, самостоятельности национального искусства в условиях новописанных литератур, то надо всегда иметь в виду, что фольклорная традиция не помеха, не барьер для большого писателя, если у него ясная и четкая идейно-эстетическая позиция по отношению и к своему родному фольклору, и мировому, если он в полную меру таланта владеет всей суммой художественных средств и приемов, позволяющих возыграть произведение до современного художественного уровня.

К. АСАНАЛИЕВ,
кандидат филологических наук.

23 ИЮН 1980

«Советская Киргизия»
К. Фрунзе